

Игорь Крупник, Елена Михайлова

Пейзажи, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.)¹

Игорь Ильич

Крупник

Смитсоновский институт,
Вашингтон, США

Елена Алексеевна

Михайлова

Музей антропологии
и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

Введение

Одним из результатов 350-летних контактов между местными жителями и европейцами в регионе Берингова пролива стало прогрессирующее накопление документальных свидетельств об аборигенных народах и культурах. Большая часть этих документальных материалов (рукописные карты, переписи местных общин, списки слов, записи рассказов и мифов, ранние фотографии, антропологические бланки и т.п.) тщательно сохранялась, обрабатывалась, публиковалась и исследовалась многими поколениями ученых. Благодаря этому мы располагаем впечатляющим корпусом данных по многим аборигенным обществам региона Берингова пролива. В то же самое время у местного населения происходило постепен-

¹ Настоящая статья является авторизованным переводом английского текста, который был представлен для публикации в специальном выпуске журнала *Alaska Anthropological Journal* (2006). Расширенный русский вариант печатается с любезного разрешения редакции AAJ. Редакция «Антропологического форума» сочла желательной публикацию русского текста статьи, учитывая, что речь идет о совместном проекте, основанном на коллекциях МАЭ и с участием сотрудников Кунсткамеры.

ное угасание многих традиционных форм культурной преемственности и передачи информации. Причины тому известны и хорошо описаны — быстрые изменения бытовой культуры, обучение в государственных школах-интернатах, деятельность миссионеров и других идеологических «просветителей», упадок традиционной обрядовой жизни и др. В результате во многих аборигенных общинах память о своей истории сейчас намного слабее, чем это было еще несколько десятилетий тому назад. Все чаще получается так, что ученые и музейные сотрудники работают с предметами, текстами, песнями, рассказами, произведениями искусства и изображениями, которые коренные жители уже не помнят или больше не используют.

В полной мере это относится к зрительной (визуальной) памяти о прежних местах обитания, старых поселках, умерших родственниках и односельчанах. В прежние времена память об этом поддерживалась за счет регулярных рассказов о прошлом, историй о путешествиях и воспоминаний о предках. В ходе таких повествований, особенно в рассказах об охоте и странствиях, воспроизводились детальные сведения о ближних и дальних окрестностях, названия мест и инструкции для путешественников. В случае с личными или семейными историями тот же механизм помогал сохранять визуальную память о предках или, по меньшей мере, об их индивидуальных чертах и особенностях. Поскольку эти и другие культурные механизмы сейчас ослабли, зрительная память людей также стала короче. Большинство информантов сегодня обычно не помнит или не может узнать изображений старинных ландшафтов, покинутых поселков и лиц людей, которых они сами не видели. В соответствии с этим глубина современной визуальной памяти на Аляске ограничена приблизительно 1910–1915 гг., а на Чукотке — примерно 1925 или даже 1930 г. из-за более короткой продолжительности жизни стариков на азиатской стороне Берингова пролива.

Этим напрямую объясняется огромный интерес местных жителей к историческим фотографиям и их желание получить доступ к старым изображениям культурных ландшафтов и своих предков, т.е. продлить в прошлое общинную память и свои личные знания. В большинстве семей местных жителей как на Аляске, так и на Чукотке, есть немногочисленные семейные фотографии периода 1940–1950-х гг. (в редких случаях — даже 1920-х гг., см.: [Norbert 1998]). Но лишь единицы располагают более ранними изображениями или старыми книгами, где они воспроизводятся. Таким образом, очень немногие люди имеют возможность видеть изображения своих дедушек и бабушек (или даже родителей!) молодыми людьми

и детьми, и вряд ли кто-нибудь смог бы узнать лицо своего прадеда или отдаленного предка на старой фотографии конца XIX — начала XX в.

В последние годы ситуация меняется. По мере публикации мемуаров, записей устных рассказов старейшин, фотоальбомов, каталогов, других иллюстрированных изданий, большое число исторических фотографий теперь доступно местным жителям. Начали осуществляться специальные проекты, получившие название «Возвращение знаний» («knowledge repatriation» — см.: [Крупник 2001; Krupnik 2001]). Суть их состоит в подготовке книг-источников, содержащих старые документы, фотографии, карты и другие исторические свидетельства. На Аляске, где издано гораздо большее количество таких книг, иллюстрированных старыми фотографиями (см.: [Akuzilleput Igaqullghet 2002; Burch 1981; Ellana, Sherrod 2004; Fienup-Riordan 2000; 2005; Krupnik, Oovi 2005; Lopp Smith, Smith 2001; Sivuqam Nangaghnegha 1985–1989]), ситуация опять же благополучнее, чем на Чукотке [Крупник 2001; Леонова 1997] или на Камчатке [Орлова 1999].

В этой статье речь идет о совместном проекте, целью которого стало подобное «возвращение знаний» в виде коллекции 140 исторических фотографий из собраний МАЭ. Фотографии были сделаны в эскимосских поселках Чукотки в 1927–1929 гг. российским этнографом и лингвистом Александром Семеновичем Форштейном (1904–1968).

Александр Форштейн,
1904–1968.
МАЭ № XXIII–481. 1936 г.

Имя Форштейна едва ли известно сегодня на Чукотке, и никто из местных жителей никогда не видел его фотографий до начала нашего проекта. Фотографии в виде негативов на стекле и черно-белых отпечатков более 75 лет хранились в фондах МАЭ; они практически не публиковались и никогда специально не исследовались как источник по этнографии азиатских эскимосов.

Вклад А.С. Форштейна в этнологию и лингвистику азиатских эскимосов до недавнего времени был практически стерт из памяти научного сообщества. Подающий на-

дежды ученый, любимый ученик В.Г. Богораза, 33-летний Форштейн был арестован в 1937 г. и приговорен к 10 годам принудительных работ в лагерях ГУЛАГа. Пережив эти испытания и выйдя из заключения, Форштейн уже не вернулся в Ленинград. Никогда не возвращался он больше и к своей научной работе как эскимосский лингвист и этнолог. Ни одна из его работ не была опубликована после 1937 г., и до конца 1950-х гг. его имя было вычеркнуто из официальной истории изучения народов Севера (см.: [Меновщиков, Рубцова 1949; Вдовин 1954; Левин, Потапов 1956])¹. Эскимосские учебники и фольклорные сборники, подготовленные Форштейном или изданные под его редакцией, никогда не переиздавались; большая часть их была утеряна или уничтожена.

К счастью, память о Форштейне и его работе на Чукотке не исчезла окончательно. Она сохранялась в небольшой группе лингвистов-эскимологов и этнологов в России и на Западе, как его современников, так и представителей следующих поколений. Оба автора, например, узнали о Форштейне еще в годы своих аспирантских исследований по этнологии азиатских эскимосов около 30 лет назад, главным образом через ссылки в более ранних публикациях и рукописях. Американский лингвист Майкл Краусс (Krauss), директор Центра по изучению языков коренного населения Аляски в университете Фербенкса на Аляске, еще в конце 1960-х гг. составил подробную библиографию публикаций Форштейна (см.: [Krauss 1973]); он также собрал в библиотеке Центра копии или оригиналы его изданий 1930-х гг. Позднее Краусс сделал эту библиографию достоянием своих российских коллег-эскимологов. Краусс также первым обнаружил документальные свидетельства о визите Форштейна в Копенгаген в 1936 г. и его контактах с К. Биркет-Смитом, У. Талбитцером и Ф. Боасом. Он любезно предоставил копию письма Форштейна Боасу из Копенгагена 1936 г., которая была опубликована одним из авторов этой статьи [Krupnik 1998: 213–214]. Это в конечном итоге сделало имя Форштейна известным среди западных специалистов-сибиреведов.

В последнее десятилетие имя Форштейна постепенно стало возвращаться и в российскую науку. Российские ученые Н.Б. Вахтин [б.г.] и А.М. Решетов [2002] провели исследова-

¹ Самое первое упоминание содержится в монографии М.А. Сергеева [1955], где есть ссылка на рукопись Форштейна под названием «Азиатские эскимосы» (без даты). Ссылки на издания эскимосского фольклора, опубликованные Форштейном в 1935 и 1936 гг., появились позднее [Вдовин, Терещенко 1959: 115]. Имя Форштейна стало упоминаться в публикациях в начале 1960-х гг., в основном тоже в ссылках или примечаниях (см.: [Иванов 1963: 221–223; Меновщиков 1962: 9]), и более отчетливо — в 1970-е гг. [Антропова 1972; Гаген-Торн 1975: 199, 205].

ние документальных материалов Форштейна, сохранившихся в Архиве Российской академии наук и в печально известном фонде Ленинградского отделения КГБ (сейчас ФСБ). Эти розыски принесли первые документально подтвержденные сведения о жизни и профессиональной деятельности А.С. Форштейна. Совсем недавно С.Б. Слободин [2004а; 2004б] опубликовал тексты трех писем Форштейна к В.И. Иохельсону, написанные им незадолго до ареста в 1936–1937 гг. Они впервые открыли существование неформальных контактов и обмена публикациями и материалами между жившим тогда на Западе В.И. Иохельсоном и молодыми ленинградскими этнографами-сибириведами, учениками Богораза и Штернберга. Наконец, уже по итогам нашего проекта в 2004 г. МАЭ подготовил диск с 140 фотографиями Форштейна¹. Некоторые итоги работы над проектом были представлены в докладе авторов статьи на VI Конгрессе этнографов и антропологов России в 2005 г. [Михайлова, Крупник 2005: 437].

Настоящая статья рассказывает о нашем проекте и конкретно — об истории фотографий Форштейна, сделанных в 1927–1929 гг. в поселках азиатских эскимосов на Чукотке — Чаплино (*Ун'азик*), Наукан (*Нувукак*), Имтук (*Имтук*), Сиреники (*Сиг'иник*) и др. Оба автора узнали о фотографиях Форштейна, хранящихся в МАЭ, только в 1980-е гг. В 2001 г., работая над совместным проектом по «возвращению знаний» для эскимосов острова Св. Лаврентия на Аляске [Akuzilleput Igaqullghet 2002], один из авторов статьи (Игорь Крупник) предложил осуществить аналогичный проект для эскимосов Чукотки. Проект был начат в 2003 г. как совместная работа МАЭ, Арктического научного центра Смитсоновского Института в Вашингтоне, США (Arctic Studies Center (далее — ASC), Smithsonian Institution), районного Музея берингийского наследия в пос. Провиденция на Чукотке и Ассоциации эскимосов Чукотки «Юпик». ASC и Музей Берингоморского наследия профинансировали работу по сканированию фотографий Форштейна, выполненную в МАЭ. Несколько комплектов отпечатков этих сканированных фотографий затем были отправлены в поселки на Чукотке и Аляске. Там местные эксперты смогли заняться их идентификацией и написанием сопро-

¹ Электронным изданием «Сибирь глазами этнографов начала XX века. Выпуск 1» отдел этнографии Сибири МАЭ РАН открыл публикацию фотоиллюстративного фонда, являющегося одним из богатейших собраний материалов по традиционной культуре коренных народов сибирского региона. Издание компакт-диска эскимосских фотографий Форштейна осуществлено в рамках проекта «Информационная база данных о северных народах в коллекциях МАЭ» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».

водительных комментариев и историй (см. послесловие). В статье дается обзор этой работы; в качестве иллюстраций приведены некоторые истории к фотографиям Форштейна, записанные в ходе нашего проекта.

Александр Форштейн — жизнь, сломанная ГУЛАГом

К сожалению, о личной жизни Форштейна и его научной деятельности сохранилось мало информации. Его личные дела в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН) и МАЭ очень бедны и содержат всего несколько записей, помимо стандартных учетных документов и некоторого числа записок, адресованных администрации. Основная часть имеющейся информации суммирована в единственном на сегодня биографическом очерке, посвященном Форштейну [Решетов 2002]. Нам известно несколько его личных писем [Слободин 2004а; 2004б]; но пока не найдено никаких дневниковых записей, а также практически никаких рукописей, полевых или каких-либо иных материалов, принадлежащих Форштейну¹. Все, что мы знаем о Форштейне по этим источникам, сводится к следующему.

А.С. Форштейн родился 26 сентября 1904 г. в Марселе (Франция) в семье русских (русско-еврейских) эмигрантов. Как свидетельствует официальное личное дело Форштейна (которому нельзя целиком доверять), его отец был служащим. Семья вернулась в Россию в 1911 г. и обосновалась в Ростове-на-Дону, где Форштейн в 1911–1919 гг. учился в школе. Очевидно, что он происходил из образованной семьи. Это объясняет его стремление получить стаж производственной работы, который после революции 1917 г. был обязателен для молодых людей «непролетарского» происхождения, желавших иметь высшее образование. В 1919–1926 гг. он много ездил по стране, сочетая или перемежая краткие периоды физической работы на Урале и в Сибири с учебой в средних и высших учебных заведениях [Решетов 2002]. В частности, у него был краткий опыт работы учителем сельской школы на Кольском полуострове, где он заболел цингой и по излечении смог приехать в Ленинград. В августе 1926 г. Форштейн поступил на этнографическое отделение Ленинградского университета, где присоединился к группе студентов-этнографов, занимающихся изучением Севера и Сибири под руководством В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга [Решетов 2002].

Есть много причин полагать, что Богораз и Штернберг созна-

¹ В фонде В.Г. Богораза в Петербургском филиале Архива РАН (Фонд 250) сохранился небольшой отрывок из лингвистической записной книжки Форштейна по старосириенскому языку (сообщение М. Краусса); возможно, в этом фонде находится еще некоторое количество записей Форштейна.

тельно опекали некоторых из молодых студентов как своих будущих преемников в изучении коренных народов Севера. После нескольких лет обучения эти молодые специалисты отправлялись в отдаленные районы Сибири, где их профессора когда-то начинали свою научную деятельность, будучи политическими ссыльными или участниками Сибиряковской и Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиций. Новое поколение российских сибиреведов начинало свою работу в качестве учителей национальных школ, низовых администраторов или работников культуры [Антропова 1972; Гаген-Торн 1975; Колосовский 2002; Kgurņik 1998: 206–207]. После двух-трех лет полевой работы они возвращались в Ленинград уже как признанные специалисты по этнологии и современному положению народов, которых они изучали, — Е.А. Крейнович по нивхам, С.Н. Стебницкий по корякам, Н.Б. Шнакенбург по чукчам [Kgurņik 1998]. Очевидно, что Форштейн был таким преемником В.Г. Богораз в изучении эскимосов Чукотки, среди которых Богораз работал во время экспедиции Джезупа в 1901 г.¹

Форштейн отправился на полевую работу на Чукотку летом 1927 г., проучившись в университете всего год. Как ни короток был период его обучения, Форштейн успел принять участие в составлении краткой грамматики чукотского языка, подготовленной им в 1927 г. вместе с С.Н. Стебницким под руководством Богораз [Решетов 2002: 276]. Практически два года (1927–1928 и 1928–1929) Форштейн провел, учительствуя и путешествуя по чукотскому побережью Берингова пролива (см. ниже). Все его эскимосские фотографии, хранящиеся в МАЭ, были сделаны во время этой поездки. Видимо, летом 1929 г. (?) он вернулся в Ленинград, чтобы сдать экзамены и защитить свою 150-страничную дипломную работу «Азиатские эскимосы как морские охотники», которая была рекомендована к публикации [ПФА РАН 4: 36]. Резонно предположить, что он окончил университет экстерном, как, видимо, многие другие студенты-этнологи, ученики Богораз и Штернберга.

Судя по на личным записям Форштейна и датировке фотографий, он вернулся на Чукотку в конце 1929 г. и оставался там до 1933 г. В этот период он работал учителем и директором школ в чукотских поселениях на арктическом побережье: в Уэлене, на мысе Шелагском (1930–1931)², а также в устье

¹ В статье о языке азиатских эскимосов Богораз [1934] цитировал данные Форштейна наряду со своими старыми полевыми записями 1901 г., в частности в разделах, касающихся статистики населения и современных социальных процессов.

² В 1930/31 гг. Форштейн учительствовал в небольшой национальной школе с четырьмя учениками-чукчами на мысе Шелагском в Чаунской губе [Калтан 1931]. Уроки проходили в чукотской яранге, где жил сам Форштейн с женой и маленьким ребенком.

Колымы (1931–1932) [Решетов 2002: 277]. Скорее всего он мог посетить какие-то эскимосские поселки в ходе этой второй поездки, но прямых данных об этом у нас нет.

В конце 1933 г. Форштейн вернулся в Ленинград, где начал работать в Институте антропологии и этнографии (так в это время назывался Музей антропологии и этнографии) и в феврале 1934 г. стал его штатным научным сотрудником. Очевидно, что это было только одно из нескольких мест его работы, поскольку он также вел занятия со студентами-северянами в Ленинградском педагогическом институте (с 1933 г.), работал в Институте народов Севера (1933–1935), а также в Ленинградском институте истории, философии и литературы [Решетов 2002: 277]. Кроме того, он плодотворно использовал свои лингвистические навыки и полевые материалы. Согласно списку, составленному Крауссом (1973), Форштейн опубликовал (или был титульным редактором) 6–7 учебников, букварей, книг для чтения, фольклорных сборников на языке азиатских эскимосов для национальных школ. В его докладной записке, датированной январем 1934 г. [ПФА РАН 4: 36], упоминается несколько научных трудов, подготовленных к печати или находившихся в процессе работы. К сожалению, персональное дело Форштейна не содержит полного списка его трудов; большая часть неопубликованных рукописей считается утерянной после его ареста. Решетов [2002: 278] ссылается на значительную роль Форштейна в организации в МАЭ в 1936 г. выставки «История техники народностей арктической Европы и Америки» [Архив МАЭ, фонд К–IV, опись 8, № 131]. Как бы то ни было, Форштейн был чрезвычайно активен в эти недолгие годы своей научной работы в Ленинграде.

Высшей точкой научной карьеры Форштейна, очевидно, стало его 3-месячное пребывание в Датском национальном музее в Копенгагене в апреле — июле 1936 г. В то время это был редкий (если не исключительный) случай для советского этнографа посетить европейский или североамериканский научный центр в ходе длительной индивидуальной поездки. Таких возможностей советским ученым-сибироведам больше не представлялось в течение последующих 20 лет, вплоть до конца 1950-х гг. Несмотря на официальный статус своей командировки (научный обмен между МАЭ и Датским музеем), Форштейн отчетливо представлял шаткость своего положения. Узнав в Копенгагене о внезапной смерти Богораза, он написал отчаянное обращение к Францу Боасу, прося о возможности продлить свое пребывание на Западе на год или два [Krupnik 1998: 213–214]. К несчастью, было слишком поздно. Вскоре по возвращении из Дании в августе 1936 г. Форштейна ждал арест — трагическая судьба, которую он, возможно, предвидел.

В мае 1937 г. Форштейн, Е.А. Крейнович, а также ряд других сотрудников Института народов Севера, включая его директора Яна Кошкина (Алькора), были арестованы по обвинению в «шпионаже и организации контрреволюционно-террористического заговора» [Решетов 2002: 278; 2005: 278–279; Роон, Сирина 2003: 61; Вахтин б.г.; Крейнович 2005]. Форштейн и Крейнович были обвинены в участии в «японской шпионской сети», куда они были якобы вовлечены во время своей прежней работы на Дальнем Востоке в конце 1920-х гг. Абсурдность этих обвинений совершенно очевидна. В январе 1938 г. все арестованные ученые из Института народов Севера получили смертные приговоры как «шпионы и террористы». Кошкин, Спиридонов и некоторые другие были вскоре расстреляны, а Форштейну и Крейновичу расстрел был заменен 10 годами исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа в Восточной Сибири [Решетов 2002: 279; 2005; Роон, Сирина 2003: 62]. Как ни удивительно, оба выжили и были освобождены в 1948 г.¹

В отличие от Крейновича, который возвратился в Ленинград и снова включился в научную жизнь (и был снова арестован и приговорен к новому сроку заключения [Роон, Сирина 2003: 64]), Форштейн совершенно оставил прежнюю научную деятельность. Он снова женился, поменял фамилию и стал работать в местных органах народного хозяйства и планирования в южных районах бывшего СССР: в Грузии, Армении и Узбекистане. В 1964 г. он вышел на пенсию в Ташкенте, где и умер в 1968 г. в возрасте 64 лет [Решетов 2002: 279], так никогда не вернувшись к своим эскимосским материалам².

Этот обзор можно несколько оживить личными комментариями покойного Г.А. Меновщикова (1911–1991), старейшего советского лингвиста-эскимолога, записанными М. Крауссом

¹ Даже на фоне многочисленных публикаций о репрессиях 1937–1938 гг. и последующих годов совершенно особенное впечатление производит опубликованная недавно А.М. Решетовым «Жалоба» Е.А. Крейновича, направленная им из камеры ленинградской тюрьмы Прокурору СССР А.Я.Вышинскому [Решетов 2005; Крейнович 2005]. В этом «первоисточнике» упоминаются многие ученые-североведы, проходившие по делу «Института народов Севера», в том числе и А.С. Форштейн, и описаны физические и моральные испытания, через которые ему, очевидно, пришлось пройти во время следствия. Согласно данным А.М. Решетова, как минимум четверо из осужденных одновременно с Форштейном и Крейновичем по делу ИНСа (И.С. Сукоркин, К.Б. Шавров, И.И. Иванов, Е.В. Блок) умерли в лагерях.

² Майкл Краусс любезно предоставил нам запись своего разговора о Форштейне со старейшим датским лингвистом-эскимологом Луисом Хаммерихом в 1970-х гг. Хаммерих, который мог помнить Форштейна по его визиту в Копенгаген в 1936 г., ссылаясь на свою встречу с «безымянным бывшим заключенным, участником Второй мировой войны», который говорил, что встречался с Форштейном, «слобленным человеком» в одном из лагерей ГУЛАГа (М. Краусс, устное сообщение И.К., 2003, 2004). По словам Хаммериха, Форштейн никогда не возвращался к своим научным изысканиям в области эскимологии, а стал составителем учебника (?) в Ташкенте. Скорее всего Хаммерих получил эту информацию от Г.А. Меновщикова во время VII Международного этнологического конгресса в Москве в 1964 г.

во время визита в Ленинград в 1990 г. Меновщиков, еще один школьный учитель на Чукотке в 1932–1934 гг., ставший ученым-лингвистом, получил профессиональное образование в Ленинграде в 1934–1936 гг. У него было много шансов встретиться в те годы с Форштейном; и он, безусловно, был человеком, который знал многие подробности его тогдашней жизни и деятельности. Но, по словам Меновщикова, они познакомились только в конце (начале?) 1960-х гг., когда Форштейн приехал в Ленинград и нашел Меновщикова в Институте языкознания. Они вели некий профессиональный разговор, в ходе которого Форштейн выглядел как человек, *«старавшийся забыть свое прошлое»*¹.

По мнению Меновщикова, лингвистические публикации Форштейна имели ограниченное значение и минимальное научное влияние. Его эскимосские учебники были напечатаны в латинской орфографии, которая была упразднена и заменена кириллицей в 1937 г. Меновщиков уверял, что учебники Форштейна в итоге так и не попали ни в одну из местных школ на Чукотке и, таким образом, никогда не использовались эскимосами (М. Краусс, письмо И.К., 2 июня 2003 г.). Некоторые из стариков-эскимосов в 1970-е гг. помнили имя Форштейна, но без каких-либо подробностей [Крупник, полевые материалы]. Опять же, поскольку Форштейн не возобновил после выхода из лагеря свои старые контакты на Чукотке, он не стал там признанной фигурой, как, например, Крейнович, к которому сохранилось глубокое уважение бывших учеников и молодого поколения национальных активистов (см.: [Колосовский 2002]). Жизнь и карьера Форштейна, очевидно, были непоправимо сломлены ГУЛАГом; к сожалению, это был типичный пример в скорбном мартирологе российской науки в годы сталинизма.

В наследии Форштейна есть еще одна интригующая деталь. Считается, что первооткрывателем существования линейных родственных объединений — кланов или родов — у азиатских эскимосов был Николай Шнакенбург (1907–1941), коллега Форштейна и ученик Богораза. Неопубликованная рукопись Шнакенбурга «Эскимосы» [Шнакенбург 1939], где впервые упоминаются такие группы, была изначально написана как

¹ Благодаря любезному содействию С.В. Будниковой, мы располагаем копиями двух писем Форштейна Г.А. Меновщикову от октября-ноября 1965 гг. Из этих писем следует, что Форштейн и Меновщиков вели в 1960-е гг. довольно оживленную личную переписку и что Меновщиков посылал Форштейну копии своих последних научных публикаций. Форштейн утверждал, что периодически просматривает журнал «Советская этнография»; интересовался судьбой И.С. Вдовина, П.Я. Скорика, Е.А. Крейновича, В.А. Аврорина и других своих бывших коллег. Значит, сообщения о том, что Форштейн *«совершенно оставил свой интерес к северной этнографии и лингвистике»*, были явно преувеличены.

глава для 4-томного издания о народах СССР, подготовленного до Великой Отечественной войны. Этот труд никогда не был опубликован; в 1950-е гг. некоторые рукописные статьи были использованы в гораздо более монументальном издании «Народы Сибири», части 18-томной серии «Народы мира», опубликованной Институтом этнографии АН СССР. В этом 1100-страничном томе есть глава «Эскимосы», написанная Г.А. Меновщиковым «с использованием материалов Н.Б. Шнакенбурга» [Левин, Потапов 1956: 8]. В своей главе Меновщиков воспроизводит описание родственных групп у азиатских эскимосов, включая и сам список кланов, из оригинальной рукописи Шнакенбурга [Меновщиков 1956: 941]. Позже Меновщиков опубликовал собственный список родственных объединений («родов») у азиатских эскимосов [Меновщиков 1962b].

Проблема в том, что у нас нет никаких свидетельств того, что Шнакенбург когда-либо вел полевую работу в эскимосских общинах, о которых он пишет в своей рукописи, и что он располагал какими-либо собственными материалами по языку эскимосов и их социальной организации. Он был, в первую очередь, специалистом по культуре чукчей арктического побережья Чукотки, где учительствовал в начале 1930-х гг. [Решетов 1995: 3]. Даже если Шнакенбург проезжал через поселки эскимосов, у него не было ни времени, ни возможности ознакомиться с их социальной системой, суть которой оставалась непонятной для всех его предшественников, включая Богоразу [Krupnik 1996: 35–36]. Между тем Форштейн располагал необходимыми знаниями и личными связями в общинах эскимосов. Есть свидетельства, что он действительно работал над рядом публикаций по их социальной организации: в докладной записке 1934 г. он упоминал о своей статье под названием «Становление рода у азиатских эскимосов» ([ПФА РАН 4: 36]; Приложение 1).

Есть основания полагать, что в действительности именно Форштейн был первым, кто собрал сведения о кланах у азиатских эскимосов, включая их названия, либо в годы своей работы на Чукотке, либо от студентов-эскимосов, с которыми он позже работал в Ленинграде¹. После его ареста в 1937 г. некоторые его рукописи, очевидно, сохранились среди бумаг Сектора Сиби-

¹ Прямое свидетельство тому содержится в документах, сохранившихся после визита Форштейна в архиве Датского национального музея в Копенгагене. В одной из описей рисунков, переданных в дар музею из коллекции МАЭ (написанной по-русски рукой Форштейна), имеется примечание «изготовлено эскимосом Майнга из общины лякармит (Lakarmit) в поселке Унгазик (Ungazek) на мысу Чаплина в 1928 году». Лякаг'мит/лякармит — название клана чаплинских эскимосов, которое в дальнейшем упоминается Шнакенбургом [1939], Меновщиковым [1956; 1962b] и последующими исследователями социальной организации азиатских эскимосов [Членов 1973].

ри, и коллеги в институте могли использовать их в своих публикациях. Это была обычная практика в те страшные годы, когда так много коллег навсегда пропадало в ГУЛАГе и их труды имели шанс быть опубликованными только под чужим именем. До появления других свидетельств мы полагаем, что скорее всего именно Форштейна следует считать первооткрывателем клановой системы социальной организации эскимосов Чукотки и наиболее вероятным автором первого списка названий эскимосских кланов, который позднее воспроизвели Шнакенбург [1939] и Меновщиков [1956].

Фотоколлекция Форштейна в МАЭ

В настоящее время в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ) в Петербурге хранятся три коллекции фотографий, принадлежащие А.С. Форштейну. Первая коллекция (№ И 104, 66 единиц хранения) содержит снимки чукчей, чукотских поселков и стойбищ в основном с арктического побережья Чукотки; она датируется 1928–1931 гг. Большая часть входящих в нее фотографий была сделана в 1931 г., когда Форштейн жил в Чаунской губе, на мысе Шелагском на побережье Восточно-Сибирского моря. Вторая и более обширная коллекция из приблизительно 140 фотографий (№ И 115) чисто «эскимосская»; она состоит из фотографий, сделанных в различных поселениях азиатских эскимосов в 1927–1929 гг. Третье небольшое собрание из 12 негативов и отпечатков (№ И 429) зарегистрировано в описях как «*предметы из личной коллекции; азиатские эскимосы, мыс Чаплино*». Это фотографии предметов из резной кости, очевидно, приобретенных Форштейном во время своих путешествий. Фотографии всех трех коллекций были зарегистрированы самим Форштейном, они датированы и имеют подписи.

В документах МАЭ значится, что эскимосская фотоколлекция поступила от А.С. Форштейна как дар в 1929 г. Коллекция была зарегистрирована семью годами позже, в 1936 г., когда Форштейн сделал опись 147 негативов. В первоначальном акте о поступлении коллекции значилось 150 негативов; в описи 1936 г. — 147 единиц (номера 30, 126 и 127 в описи пропущены). Это большого размера (9×12 см) негативы на стекле. В описи 1936 г. каждый негатив был снабжен кратким пояснением: название поселка или стойбища, где был сделан снимок; краткое описание заснятой сцены — обычно из нескольких слов, и имя или имена запечатленных на фотографии людей. Поскольку Форштейн занимался сбором эскимосских текстов и лингвистических материалов, он достаточно хорошо транскрибировал эскимосские имена.

Индивидуальные датировки отдельных фотографий, к сожалению, отсутствуют; имеется только ссылка на происхождение всей коллекции: «Из экспедиций 1927–1929 гг.; азиатские эскимосы Чукотского полуострова». Отсутствие дат выглядит досадным упущением, особенно по сравнению с описью чукотских фотографий, сделанной Форштейном в 1934 г. В этой описи каждый снимок имеет дату, извлеченную, очевидно, из полевых дневников или другого источника; по крайней мере, указан год, когда фотография была сделана. Возможно, эскимосская коллекция регистрировалась в спешке, о чем свидетельствует дата описи МАЭ — 10 апреля 1936 г., то есть за неделю до отъезда Форштейна в Копенгаген, в Датский национальный музей. Вероятно, Форштейн под давлением администрации должен был завершить свои музейные обязательства накануне длительной поездки.

К счастью, все фотографии Форштейна в МАЭ сохранились после его ареста в 1937 г. Большая часть негативов была снабжена небольшими пробными отпечатками (9×12 см); все они также благополучно хранились в сибирских коллекциях МАЭ как возможные иллюстративные материалы. Тем не менее снимки Форштейна практически не использовались и никогда не публиковались под его именем. Нам удалось обнаружить всего три фотографии Форштейна, использованные в качестве иллюстраций: в томе «Народы Сибири» [Левин, Потапов 1956: 937, 939] и в «Историко-этнографическом атласе Сибири» [Левин, Потапов 1961: 196]¹. Ни в том, ни в другом издании имя Форштейна не упоминалось, не было и ссылок на его работы.

Когда в 2003 г. коллекция фотографий Форштейна была извлечена из небытия и заново исследована, оказалось, что семь из первоначальных 147 негативов, с которых не было сделано пробных отпечатков, были утеряны или сломаны. Еще 15 утерянных или разбитых негативов имели пробные отпечатки, которые можно было сканировать. Оставшиеся 140 изображений (125 негативов и 15 отпечатков) были отсканированы и обработаны сотрудниками лаборатории аудиовизуальной антропологии МАЭ (см. послесловие). Стеклопленочные негативы 1927–1929 гг. оказались в большинстве своем хорошего качества и сохранились лучше, чем пробные отпечатки. Отсканированные изображения были сгруппированы по принадлежности к

¹ В первом издании использованы две фотографии (И 115–35 и И 115–49, летнее и зимнее жилища в поселке Унгазик) и рисунок с фотографии И 115–68 (охотник на тюленей в полной промысловой экипировке). Во втором издании использована фотография И 115–49 (зимнее жилище) как иллюстрация к типам жилых сооружений эскимосов Сибири.

конкретным эскимосским поселкам¹; копии были отправлены в Смитсоновский Институт и в Музей берингийского наследия в пос. Провидения для дальнейшей работы местных экспертов.

Маршруты Форштейна по Чукотке, 1927–1929

Эскимосские фотографии Форштейна, хранящиеся в МАЭ, вероятно, наш лучший источник для реконструкции его передвижений по Чукотке в 1927–1929 гг. Мы знаем, что Форштейн отбыл на Чукотку в 1927 г., чтобы работать там учителем по договору с Дальневосточным Комитетом Севера. В 1925 г. Богораз [1925: 50] призвал использовать студентов этнографического отделения Ленинградского университета в «практической работе» на Севере. В следующем году Дальневосточный Комитет Севера предложил передавать все открывающиеся учительские и административные вакансии для работы среди коренного населения студентам и выпускникам этнографического отделения [Михайлова 2004: 120]. В соответствии с этим соглашением многие студенты-этнографы поехали на Дальний Восток и в Сибирь по двух- или трехлетним контрактам [Гаген-Торн 1975]. Форштейн был представителем этой когорты молодых энтузиастов; ему было предложено место учителя в школе чукотского поселка Уэлен.

Форштейн отправился на Чукотку поздней весной 1927 г. — сначала поездом до Владивостока, а оттуда грузовым пароходом до Берингова пролива [Решетов 2002: 276]. В опубликованном письме в университет он писал: *«Еду чукотским учителем в Уэлен на мыс Дежнева. <...> В Уэлене буду 20 июля. На Чукотском носу [мысе Дежнева. — И.К., Е.М.] просижу по меньшей мере год, пока не войду достаточно глубоко в чукотскую жизнь. Потом рассчитываю сделать поездку по северному берегу»* [Хроника 1927: 39].

В целом командировка от Комитета Севера на работу учителем была выписана на шесть с половиной лет: с 6 мая 1927 г. до 28 октября 1933 г. [ПФА РАН 142: 6]. По договоренности с Комитетом, проработав на месте не менее двух лет, студент мог возвратиться в Ленинград для завершения образования. Форштейн в итоге отработал свой контракт до самого конца, то есть до осени 1933 г., и совершил за это время только одну

¹ Первая группа содержит 29 снимков из поселений в районе мыса Дежнева: Наукана — 23, острова Ратманова (Большой Диомид) — 4 и Дежнева — 2. Во вторую группу вошли 65 снимков из крупнейшего поселка азиатских эскимосов Унгазик (Чапино) и 8 изображений из соседнего поселка Сиклюк. В третью группу мы условно объединили снимки из других поселков юго-восточной Чукотки: Имтук — 26, Сиреники и Силакшак (квартал в Сирениках) — 13, а также два снимка из Авана у бухты Провидения.

краткую поездку в Ленинград летом 1929 г. Как уже упоминалось, его второй срок пребывания на Чукотке в 1929–1933 гг. прошел в основном на арктическом побережье к западу от Уэлена: на мысе Шелагского и в устье Колымы.

Мы полагаем, что в 1927–29 гг. Форштейн работал не учителем в Уэлене, как он изначально предполагал, а разъездным инспектором Чукотского районного отдела образования (географически это все побережье Берингова пролива) или даже замещающим учителем в нескольких поселках. В его личном деле записано, что он *«работал в учреждениях Дальневосточного отдела Народного образования в качестве заведующего туземными школами (Унгазик, Чаун, Походск) и инспектора по туземному образованию Края с 20 мая 1927 г. по 28 октября 1933 года»* [ПФА РАН 142: 5, 6]. Вероятно, что-то не состоялось с обещанной ему должностью в Уэлене в 1927 г. (или в начале 1928 г.), и Форштейн без промедления перенес свои профессиональные интересы в эскимосские поселки. Подтверждением тому служат его университетская дипломная работа «Азиатские эскимосы как морские охотники» и все его более поздние публикации и лингвистические работы.

Фотографии 1927–1929 гг. подтверждают эту версию, хотя и косвенно. Имеются только две фотографии из Уэлена, датированные 1929 г., в «чукотской» коллекции Форштейна, а также еще три снимка культбазы в Заливе Лаврентия из той же коллекции. Кроме того, имеются два «чукотских» снимка 1928 г. из стойбищ у пролива Сенявина в 140 км к югу от Уэлена. Это означает, что уже в 1928 г. Форштейн активно путешествовал и оказался вблизи основного района обитания эскимосов.

Действительно, наиболее крупный комплект снимков из коллекции 1927–1929 гг. (62 фотографии) связан с крупнейшим эскимосским поселком Унгазик (Чаплино) на мысе Чаплина. Мы полагаем, что Форштейн работал как замещающий учитель или даже директор школы в Унгазике по крайней мере зимой или весной 1928 г. На фотографиях из Унгазика широко представлены как зимний, так и летний пейзажи. Они включают снимки, относящиеся практически ко всем сезонам года: начиная с периода осенней охоты (И 115–67) до чисто зимних сцен и праздников (И 115–68 — рис. 1, 113–118), начала весны (И 115–119 до 138), завершения весенней охоты (И 115–138 до 147) и праздников середины лета (И 115–69, 98). Фотографии из соседнего поселка Сиклюк также были сделаны и летом, и зимой. Похоже, что Форштейн мог провести целый год (или более?) в Унгазике и его окрестностях; во всяком случае, он провел там гораздо более длительное время, чем в назначенном ему для пребывания Уэлене.

Рис. 1. «Снаряжение охотника зимой». МАЭ, № И 115–68. Унгазик, зима 1928 (?) г. Темные предметы вдали — столбы из поставленных вертикально челюстных костей кита, которые можно видеть также на многих фотографиях Богораза из Унгазика 1901 г. Столбы были уничтожены эрозией после 1960-х гг.

Сборники эскимосского фольклора, опубликованные Форштейном в 1935 и 1936 гг., имеют подзаголовок «Записано А.С. Форштейном в селении Унгазик». Это ясно подтверждает наше предположение. Г.А. Меновщиков [1977: 124] в своих мемуарах о работе учителем на Чукотке упоминал о Форштейне как учителе «первой школы в Унгазике в 1928 г.». В рукописи Н.Б. Шнакенбурга «Эскимосы» [1939], которая, как мы полагаем, могла быть написана со значительным использованием материалов Форштейна, имеется много ссылок на безымянного «школьного учителя из поселка Унгазик на мысе Чаплино» и его наблюдения в период весны и лета 1928 г. В одной из таких обширных ссылок, например, описывается охота на гренландского кита и последующее распределение китового уса между пятью бригадами охотников Унгазика в апреле 1928 г. Мы полагаем, что в этом и других случаях в рукописи Шнакенбурга цитируются заметки Форштейна к своей дипломной работе по морской зверобойной культуре эскимосов (или другие не дошедшие до нас его тексты).

Главным аргументом, тем не менее, служат сами фотографии Форштейна из Унгазика, а также других поселков азиатских эскимосов. Несмотря на то, что он проучился на этнографическом отделении только год, Форштейн проявил себя как

умелый фотограф и этнограф-полевик. По совету Богораза или благодаря собственной интуиции Форштейн делал свои снимки тематическими «сериями» — например, строительство жилища, спуск на воду лодки, шаманское камлание или определенный праздник (см. ниже). В снимках из Унгазика есть шесть таких тематических серий, запечатлевших своеобразные ритуалы как внутри жилища, так и вне его, обычно снятые в последовательном порядке¹. Эти фотографии, а также снимки трапез и семейных сцен внутри эскимосских жилищ свидетельствуют о достаточно тесных взаимоотношениях Форштейна с местными жителями — учениками и их родителями. У Богораза во время его трехмесячного пребывания в Унгазике, очевидно, таких близких отношений не сложилось; по крайней мере, его фотографии не свидетельствуют об этом. Несомненно, как фотограф Форштейн имел больше возможностей в Унгазике в 1928–29 гг., чем его знаменитый учитель в 1901 г.²

Помимо Унгазика и Сиклюка Форштейн посетил и другие эскимосские поселения юго-восточной Чукотки, включая Имтук и Сиреники, где он сделал соответственно 23 и 13 фотографий. Судя по нескольким фотографиям собачьих упряжек, он путешествовал на собаках (как и Богораз в 1901 г.). Происходило это, по-видимому, поздней весной, поскольку на его имтукских и сиреникских фотографиях запечатлены рыхлый тающий снег и люди, переселяющиеся из зимних жилищ в летние палатки. Это происходило обычно в конце мая или июне. Можно сделать вывод, что Форштейн оставался в Имтуке и Сирениках и в июне, поскольку на некоторых снимках снега на земле уже совсем мало, покрывки с зимних жилищ сняты (И 115–42), а вдоль берега выстроился длинный ряд летних палаток (И 115–5). Форштейн совершил свою поездку или в мае-июне 1928 г. или годом позже; в этом случае он должен был оставаться в Унгазике вплоть до апреля 1929 г.

Помимо южных поселков эскимосов, Форштейн посетил также два эскимосских поселка поблизости от Уэлена — Наукан на мысе Дежнева и Имаклик на острове Ратманова (Большой Диомид). На снимках из обоих поселков запечатлены пейзажи середины или конца лета с плывущими по морю льдинами, но без снега. В Наукане он сделал несколько портретных фотогра-

¹ Форштейн явно проявлял интерес к ритуальной практике эскимосов и посещал праздники, проходившие во время его пребывания в поселке. С.В. Иванов [1963: 221–223] цитировал детальное описание зимнего праздника эскимосов, о котором рассказывал ему Форштейн, в 1936 г. наблюдавший его непосредственно. «К сожалению, — отмечает Иванов, — эти исключительно интересные записи (!) до сих пор не опубликованы».

² Коллекция фотографий Богораза из Унгазика 1901 г. хранится в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке [Крупник и др. 2005; Willey 2001].

фий (все в здании школы или на улице) и зафиксировал процесс строительства зимнего жилища (И 115–36–39), что происходило обычно в конце лета. То, что нет ни одной фотографии внутри жилищ, говорит о кратковременности его визита. Это могло быть летом 1928 или 1929 г., скорее всего во время возвращения в Уэлен для последующего отъезда в Ленинград.

Мы знаем, что летом 1929 г. Форштейн вернулся в Ленинград, чтобы сдать экзамены и завершить обучение в университете. Помимо фотографической коллекции, он привез с собой также и этнографические предметы, которые в том же 1929 г. передал в дар МАЭ. Более крупная коллекция из 40 «номеров хранения» (№ 4211, 67 предметов — все азиатских эскимосов), была зарегистрирована в 1933 г.; дата передачи коллекции музею — 1 ноября 1929 г.¹ Последняя дата может указывать на время краткого пребывания Форштейна в Ленинграде между двумя поездками на Чукотку, поскольку он должен был успеть на последний пароход, выходивший из Владивостока не позднее середины сентября. Получается, что Форштейн вернулся всего на несколько месяцев, успел сдать в университете выпускные экзамены, оставил свои фотографии и предметы, приобретенные им в поездке, женился и снова уехал еще на четыре года!² Даже диплом об окончании университета был выписан в его отсутствие. Время действительно бежало стремительно для Александра Форштейна, которому тогда едва исполнилось 25 лет.

Старые снимки, современные воспоминания: фотографии Форштейна в 2004 г.

Из четырех поселков азиатских эскимосов, наиболее полно запечатленных Форштейном в 1927–29 гг.: Чаплино (Унгазик), Наукан, Сиреники и Имтук — на своем прежнем месте остались только Сиреники. Наукан и Чаплино были закрыты советскими властями соответственно в 1957 и 1958 гг., а их жители были переселены в другие поселки. Имтук был оставлен еще раньше, в 1932–1933 гг., когда его жители переселились в Сиреники, где были устроены новая школа и магазин.

¹ Вторая коллекция Форштейна (№ 5116), в которую входит пара кожаных торбазов, приобретенных в поселке Имтук, была сдана в музей также в 1929 г. (зарегистрирована 21 октября 1936 г.).

² Форштейн женился на своей коллеге, студентке-этнографе Клавдии Мыльниковой, специализировавшейся по тунгусо-манчжурским народам бассейна Амура. Она уехала с ним на Чукотку и провела там почти четыре года. Ученица Л.Я. Штернберга Мыльникова-Форштейн была известна как исследователь фольклора и языка нанайцев. Ее карьера была также сломана арестом Форштейна: ее выгнали из института, отстранили от научной работы и вынудили покинуть Ленинград (см.: [Хасанова 2002]).

Даже Сиреники, единственный поселок, сохранившийся со времени Форштейна, был так разительно перестроен, что старого поселка в нем сейчас практически не узнать.

Тем не менее с каждым из бывших эскимосских поселков связаны прочная память и многочисленные истории. Все они касаются бывших (виртуальных) «культурных ландшафтов», т.е. культурной среды, которая прекратила свое существование пятьдесят и даже более лет назад¹. Былые реалии сохраняются, таким образом, только в памяти людей в виде того, что мы называем «культурным знанием». Это «культурное знание» и наполняет живыми деталями пейзажи заброшенных поселков, возвращает имена и лица давно умерших родственников и односельчан. На этом стыке и происходит взаимодействие документальных возможностей исторических фотографий и человеческой памяти. Изображение возрождает память; память преобразуется в слова рассказов; записанные истории и комментарии к снимкам становятся фиксированным «культурным знанием», которое, как и сами снимки, может жить уже отдельно от памяти.

В этом последнем разделе мы хотим проиллюстрировать, как работает этот механизм на примере трех форштейновских фотографий и нескольких видов источников — повествований нынешних стариков, воспоминаний детства, комментариев специалистов и записей из полевых дневников.

Развалины старинных полуподземных жилищ, построенных из челюстных костей и черепов китов, когда-то были важной частью культурного ландшафта в Сирениках. Старики-эскимосы в 1970-е гг. хорошо помнили рассказы, связанные со старинными землянками и ритуалами, которые проводились там их предками [Крупник 2001: 36–37, 316–317]. Комментарии, написанные в 2004 г. Клавдией (Клавой) Макаровой (урожденной Схаугье, 1959 г.р.), дополняют эти рассказы относительно недавними воспоминаниями, навеянными старой фотографией (рис. 2):

«Это старинные подземные дома, нын'ю — земляные жилища эскимосов. (Я помню) из рассказов Кававы Веры, рождения 1929 г., умерла в 2001 г. В 1945 г., будучи молодой девушкой, моя мама Кавава участвовала в строительстве ледника. Точнее, они выкапывали место для общественного ледника в районе Сяйгу. Это такое традиционное смотровое место стариков в Сирениках;

¹ Четыре других эскимосских поселка, запечатленных на фотографиях Форштейна — Имаклик, Сиклюк, Аван и Тасик (Чечен) — также представляют собой сейчас «виртуальные культурные ландшафты». Все они были закрыты в 1940-х и 1950-х гг., а жители были переселены в другие поселки.

Рис. 2. «Разрушенная землянка в пос. Сейренек, южная сторона». МАЭ, № И 115–61. Сиреники, весна 1928 или 1929 (?) г. Столб из челюстной кости кита справа считался символом «хозяев поселка». Его ритуально «кормили» раз в год во время специальной церемонии.

они всегда сидели там на холме и наблюдали за охотниками в море в бинокли. Во время работы, вкопавшись в холм, они обнаружили под землей старую землянку нын'лю, довольно неплохо сохранившуюся. Жилище имело овальную форму. Вокруг нын'лю было обложено черепами гренландского кита, верх жилища был обложен ребрами кита. Вход и выход были длинными со стороны моря, стенки тоже были обложены головами (черепами) кита. Жилище было довольно просторным. Внутри нын'лю, напротив входа, размещалась аг'ра, спальное помещение.

В жилище были останки людей, две женщины и один ребенок. Одна с черными волосами, с головными украшениями из бус — эскимосское название к'опаг'ит. Она лежала в аг'ра; другая женщина с седыми волосами у очага. Скелет ребенка около 4–5 лет был на саночках. Около пожилой женщины было деревянное блюдо к'аютак, на котором были остатки мантака — это кожа гренландского кита и квашеная радиола розовая, нунивак. Было много бытовой утвари из кости, дерева и глины. Изделия из кости — ложки, расчески и другие вещи — все были красиво разрисованы. Очевидно, эта семья была состоятельная, о чем говорят украшения из бус, расписной инвентарь и утварь. В таком состоянии жилище оставлялись сородичами только в тех случаях, когда приходила неожиданная смерть. В такие дома даже не входили, такие жилища обходили» (февраль 2004 г.).

Клаве Макаровой 48 лет, и она еще не может считаться «старейшиной». И все же благодаря своей покойной матери Кававе, которая была хорошей рассказчицей, Клава сохранила

Рис. 3. «Семья эскимоса Ияин».
МАЭ, № И 115–25. Наукан, лето 1929 (?) г.

память о старом «культурном ландшафте» Сиреников, который ныне полностью уничтожен поздними строительными работами. В своих письменных комментариях к фотографиям Форштейна, снятым за 30 лет до ее рождения, Клава постоянно обращается к рассказам своей матери о старой жизни в Сирениках и Имтуке. В некоторых своих историях Клава ссылается на покойного отца Кававы и своего деда Нумылина, которого она не видела. Нумылин, умерший в конце 1950-х гг., был известным знатоком местной культуры и одним из самых почитаемых сирениковских старейшин. В 1928 г., когда Форштейн побывал в Сирениках, Нумылин был еще сравнительно молодым мужчиной, успешным охотником. Для Клавы фотографии Форштейна — это бесценное соприкосновение со своими культурными корнями, годами детства ее матери, памятью о деде Нумылине, лицо которого она никогда не видела.

Летом 1928 или 1929 г. Форштейн сделал в Наукане восемь портретных и семейных снимков. Большая часть его подписей к семейным фотографиям содержит имена только взрослых людей. Елизавета Добриева, родившаяся в Наукане в 1942 г., а сейчас живущая в пос. Лаврентия, идентифицировала всех людей на науканских фотографиях Форштейна; кроме того, она написала пространственные письменные комментарии к снимкам старого поселка и сюжетным фотографиям 1929 г. (рис. 3):

«Ийайын (Ияин) был потомственный охотник на морского зверя. Он родился, женился, состарился и умер в Наукане. Маленькая девочка, сидящая у него на коленях, — это самая младшая дочь

Ийайына — Атутугйи, Цуканова Ирина Николаевна. Сейчас она уже пожилая женщина. С 1950-х гг. и по настоящее время проживает в пос. Провидения. Все время она проработала санитаркой в больнице. Детей у нее нет. Дочь вторая (на снимке справа) Атан'ик'» (август 2004 г.).

На обороте ксерокопии снимка Добриева нарисовала генеалогическую схему семьи Ийайына, восходящую к его деду Ук'ойа. Она включает некоторых из внуков Ийайына, которым сейчас от 50 и до 70 лет. Когда Форштейн посетил Наукан, Ийайын был человеком среднего возраста;

вероятно, он родился около 1885 г. Его дед Ук'ойа мог родиться примерно в 1830 или 1840 г. Пять поколений его потомков (или около 180 лет истории Наукана) представлены в короткой схеме Добриевой на обороте бумажной распечатки фотографии Форштейна. Ирина Цуканова/Атутугйи (1926 или 1927 г.р.) — сейчас единственная, кто остался в живых из людей, запечатленных на 140 эскимосских фотографиях Форштейна и соответственно единственная на Чукотке эскимоска, которая лично встречалась с Форштейном, пусть даже ребенком.

Форштейн сфотографировал многих людей, которых Добриева и практически все ныне живущие науканцы никогда не видели. На трех фотографиях запечатлены три девушки-школьницы (И 115–20, 25 и 28). К фотографии И 115–28 («Ученица Тлингеунь» — рис. 4) Добриева сделала такую подпись:

«Льин'егун дочь Анайа и К'утхеун. После окончания семилетки Льин'егун и другая эскимосская девушка Ситн'егун — дочь Ийайына — уехали учиться в Хабаровск в медучилище. Они там заболели, умерли и там похоронены».

Портрет другой молодой женщины Альпырахтын'ы (И 115–20) также снабжен коротким скорбным комментарием:

«Альпырахтын'а, Льин'егун, Ситн'егун были активистками своего времени. Альпырахтын'а после окончания семилетки училась в Ленинграде в Институте народов Севера. Там она заболела и умерла, там и похоронена» (август 2004 г.).

Рис. 4. «Ученица Тлингеунь». МАЭ, № И 115–28. Наукан, лето 1929 (?) г.

Возможно, это единственные сохранившиеся изображения трех молодых эскимосок, умерших 70 лет назад. Они будут переданы их родственникам как единственная память о преждевременно оборвавшихся молодых жизнях.

Для Добриевой и других бывших жителей Наукана снимки Форштейна имеют огромное эмоциональное значение. У них едва ли имеются фотографии своего поселка из столь давнего прошлого; нет у них и доступа к музейным фотоколлекциям, где имеются другие старые изображения Наукана и его жителей. Выселенные из родных мест в 1958 г., они почти 50 лет героически сохраняют память о своей родине [Леонова 1997]. Фотографии Форштейна дают им возможность зрительно соприкоснуться с лицами предков и культурными ландшафтами родной земли, несмотря на разделяющие их время и поколения.

Две фотографии в серии из восьми снимков (И 115–119 до 128) изображают так называемый праздник «Аттырак», проводившийся эскимосом Матлю (рис. 5). И имя человека, и название праздника, записанные Форштейном, легко идентифицируются. Матлю (*Малю*) был известным охотником из Унгазика, а также крупным местным активистом во времена Форштейна. «Аттырак» (*атыг'ак*) — эскимосское название промыслового обряда, который отмечал начало весенней охоты. Каждый владелец байдары или вельбота совершал его отдельно ранней весной, но ритуал был более или менее унифицированным (см.: [Воблов 1952]). Тем не менее современные информанты не смогли определить предметы, запечатленные на снимках И 115–124 и И 115–125. Ключ к изображениям отыскан в более раннем рассказе о празднике *атыг'ак*, записанном от эскимоски У.И. Ухsimы (1915–1989) в 1977 и 1979 гг. [Крупник 2001: 267–268]:

«Весной, как раз перед тем, как начинали охотиться, обычно убивали собаку. Не передовика, конечно, а просто взрослую собаку. Дедушка обычно делал это для нашей семьи. За тем, как собака умирает, следили: считалось, что хорошо, если это происходило быстро. Если собака умирает долго и несколько раз лает, это плохой знак. Дедушка знал, как сделать так, чтобы собака умерла моментально.

*<...> Праздник проводился весной, обычно в апреле, происходило все в доме (пологе). В центре полога большой грудой складывали поплавки из тюленьей шкуры (*аватаг*, *пагыт*), мачту вельбота, паруса и ремни. Все это складывалось посередине. Туда же помещалась большая деревянная чаша, полная мяса. Обычно ее закрывали парусом — я не знаю, почему так делали, и четко это не помню. Я тогда была маленькой девочкой. Мясо для праздника*

Рис. 5. «Праздник Аттырак у эскимоса Матлю. Ритуальные предметы». МАЭ № И 115–125. Унгазик, весна 1928 или 1929 г.

приготавливала моя бабушка. Она вечером варила оленину, а затем мелко рубила мясо и смешивала его с ворванью и тюленьим жиром. Похоже на паштет, но без соли. Мы называли это блюдо пырара, пырарамын. На поверхности паштета делали нечто вроде пяти бугорков; и помещали его на ночь на полог, где ночью было тепло.

Утром его открывали и тщательно исследовали чашу. Если один или два из бугорков отсутствуют, это означает, что этой весной добудут кита или белого медведя. Потому что мы считаем, что кит и белый медведь «Богом данные животные». Бог дает их только некоторым, тем, кого он хочет наградить. Так что они проверяли: если все бугорки были на месте — увы, в этом сезоне не придут ни кит, ни белый медведь.

Затем брали байдары и переносили их на берег вместе с чашей с мясом и другими вещами, такими, как табак. До праздника байдары зимой хранились около дома. Просто делали временную подставку из четырех весел. Во время праздника эту конструкцию обычно разрушали и помещали байдару на ее постоянную подставку на берегу. Я не знаю, что еще они там делали, возможно, ели мясо и бросали кусочки (духам). Маленькие кусочки. Остатки обычно приносили с берега домой, так что мы могли съесть их вечером. Вот так, это праздник. После этого начиналась весенняя охота с байдар».

Последовательность событий, описанных Ухсимой в 1970-х гг., воспроизведена до мельчайших деталей на фотографиях Форштейна. Тот же праздник изображен на девяти других снимках (И 115–130 до И 115–138), названных «Праздник первой

Рис. 6. «Ученица Ухсима»
МАЕ, И 115–19.
Унгазик, 1928
или 1929 (?) г.

Рис. 7. У.И. Ухсима.
Около 1988 г. Фотограф
В.И. Мостяев. Из коллекции
Музея берингийского наследия,
пос. Провидения.

охоты у эскимоса Ята». В совокупности эти 17 фотографий иллюстрируют все фазы праздника *атыг'ак*: убивание собаки (И 115–132 до 135); лодку, хранящуюся у дома (И 115–122); перенос лодки на берег (И 115–136); спуск лодки на воду (И 115–137 и 138); старухи в доме на заключительной трапезе по случаю праздника (И 115–128). «Ритуальные предметы» на снимках И 115–124 и 125 оказались обычными элементами эскимосского промыслового инвентаря, как это и описала Ухсима: кожаный поплавок, связки ремней, крючья для вытаскивания добычи, китобойное гарпунное ружье, древки моржовых гарпунов, разрисованное весло и несколько деревянных сосудов с пищей. Сама рассказчица Ухсима тоже оказалась запечатленной на одной из фотографий Форштейна в 1928 или 1929 г. (И 115–19 — рис. 6). Она прожила долгую жизнь, была глубоко уважаемым знатоком культуры и известной активисткой среди эскимосов Чукотки. Спустя 50 лет после визита Форштейна, в своей современной квартире в пос. Провидения она по памяти восстанавливала сцены старого праздника, не подозревая, что еще спустя 25 лет они откроются на стеклянных негативах из далекого музея в Петербурге (рис. 7). Так неожиданно все фрагменты триады: человеческая память, старые фотографии и записанные истории — чудесным образом сложились в единую картину.

Заключение

Два года работы с эскимосскими фотографиями А.С. Форштейна в МАЭ проиллюстрировали как новые возможности программ по «возвращению знаний», так и их очевидные ограничения. С одной стороны, удалось собрать много новых сведений о жизни и научном пути Форштейна, в особенности о его деятельности на Чукотке. Его фотографии в МАЭ теперь обеспечены современными электронными копиями и переведены на лазерные диски, что увеличивает сохранность материала и позволяет легко воспроизводить снимки для публикации. Мы располагаем достаточным количеством текстов и материалов для развернутых аннотаций к большинству фотографий Форштейна. В настоящий момент его эскимосская фотоколлекция — одно из наиболее документированных собраний во всем сибирском фонде фотографий МАЭ и единственная из всех коллекций, которая сопровождается комментариями и подписями местных экспертов.

Еще более важным стало «возвращение» фотографий Форштейна из Петербурга на Чукотку. Местные жители, старики и молодежь, испытывают огромную тягу к старым фотографиям; они с удовольствием записывают свои рассказы, связанные с историческими снимками, обсуждают повествования других. Эмоциональная и интеллектуальная значимость такого личного «воссоединения» с прошлым выходит за рамки любых академических измерений.

В то же время изучение фотографий выявило большие утраты памяти, научной традиции и культурных знаний. Многие из них уже невозможно восстановить. До тех пор пока не обнаружатся какие-либо новые материалы или личные бумаги Форштейна, мы вынуждены иметь дело с частями полной картины и отрывками документов. Вполне может быть, что научное наследие Александра Форштейна было безвозвратно разрушено ГУЛАГом, поскольку после ареста и 10-летнего заключения (1937–1948) рукописи его в большинстве пропали, а сам он так и не вернулся к работе в области сибиреведения и эскимологии. Поэтому его знания и талант были потеряны для коллег и будущих учеников, а научный потенциал оказался нереализованным. Мы можем только догадываться, каким мог быть вклад Форштейна в изучение эскимосов в России. Ученик Богораза, человек с большим полевым опытом и личными контактами с Биркет-Смитом, Тальбитцером, Йохельсоном и другими западными коллегами, он мог бы прожить полную научную жизнь, как случилось с его современниками-учителями, ставшими профессиональными лингвистами и этнографами: Г.А. Меновшиковым (1911–1991),

Е.С. Рубцовой (1888–1971), Е.П. Орловой (1899–1976), П.Я. Ско-риком (1906–1985), И.С. Вдовиным (1907–1996) и другими. Его трагедия в прошлом — это наши сегодняшние потери; и то, и другое невозможно исправить, даже если имя Форштейна будет восстановлено в истории российской науки¹.

История поселков азиатских эскимосов, в которых побывал Форштейн и которые он запечатлел на своих фотографиях, оказалась столь же драматична, как и его личная судьба. Жители большинства этих поселков — Унгазика, Наукана, Имаклика, Сиклюка, Авана — были насильно выселены со своих мест и не имели возможности посетить родину в течение многих десятилетий. Это повлекло за собой невосполнимый ущерб памяти о старых культурных ландшафтах, местных названиях, охотничьих угодьях, ритуальных местах. Целые блоки культурного знания оказались преданы забвению. Множество людей стали жертвами переселений 1940-х и 1950-х гг., когда алкоголизм, болезни и депрессия безжалостно косили стариков-эскимосов, взрослых охотников и молодежь. Неудивительно, что сегодняшние старейшины, бывшие молодыми людьми в годы переселений, часто выражают недовольство из-за своей неспособности узнавать лица и ландшафты на старых фотографиях. Некоторые вообще отказываются работать с фотографиями, жалуются, что из-за преждевременного ухода такого большого количества стариков *«вряд ли есть кто-нибудь, кто еще помнит о старой жизни»*.

Несмотря на то, что ряд рассказов о покинутых эскимосских поселках был записан и опубликован (см.: [Айвангу 1985; Крупник 2001; Леонова 1997]), гораздо большее число их утрачено. По мере постепенного ухода поколений, которые жили, охотились, праздновали, женились и хоронили близких в старых поселках, их дети, сегодняшние старики, сохранили только часть знаний, связанных с культурными ландшафтами своих предков и своей прежней родиной. Поэтому устная традиция и культура азиатских эскимосов оказалась разрушенной в той же или даже большей степени, в какой развитие эскимологии и сибиреведения в России было замедлено потерей Форштейна и огромного числа его научных сверстников и коллег в период террора, годы войны, блокады, эвакуации, недоедания и идеологических репрессий.

Таким образом, итоги нашей работы оказались весьма противоречивыми. И все же в этой статье впервые напечатана неизвестная архивная фотография Форштейна, и, значит, новое

¹ Как уже сказано, оборванная профессиональная карьера жены Форштейна Клавдии Мыльниковой-Форштейн — еще одна трагическая потеря для российского сибиреведения.

поколение исследователей Берингова пролива может увидеть лицо человека за старым полузабытым именем. В некоторых домах на Чукотке и в Гэмбелле на острове Св. Лаврентия люди могут теперь рассматривать лица своих прадедов и виды давно покинутых родных поселков, сохраненные на фотографиях Форштейна. Если благодаря этим усилиям удалось заполнить хотя бы некоторые из лакун, созданные трагическими событиями минувшего века, эту попытку «визуальной репатриации» несомненно стоило предпринять.

Послесловие

В заключение мы хотели бы выразить благодарность многим людям, помогавшим нам в работе по «проекту Форштейна». Мы очень признательны нашим коллегам-эскимологам Майклу Крауссу, Н.Б. Вахтину и М.А. Членову, которые многие годы щедро делились с нами своими находками, интуицией и записями, связанными с судьбой А.С. Форштейна и его научного наследия. А.М. Решетов и Ю.А. Купина в МАЭ в Санкт-Петербурге помогли определить местонахождение ценных документов, относящихся к жизни Форштейна. Работники лаборатории аудиовизуальной антропологии в МАЭ — Н.В. Ушаков, А.Н. Тихомиров, Е.Б. Толмачева — выполнили обработку стеклянных негативов и старых фотографий. На Чукотке Т.И. Загребина, директор Музея берингийского наследия в пос. Провидения, и И.А. Загребин, куратор этого музея, были нашими партнерами. Ханс-Кристиан Гуллов, куратор Датского национального музея в Копенгагене, любезно прислал нам копии материалов, относящихся к пребыванию Форштейна в Копенгагене в 1936 г. М. Краусс, А.А. Сирина, С.Б. Слободин и С.В. Будникова сделали ценные замечания к первому варианту этой статьи и любезно поделились копиями старых документов, которые были использованы нами в тексте.

Самых глубоких слов благодарности заслуживают наши эксперты из числа местных жителей Чукотки — Елизавета Добриева, Клавдия Макарова, Алла Выйе, Людмила Айнана, Владимир Насалик, Николай Ранумай и все, с кем они консультировались в процессе своей работы с фотографиями Форштейна. Мы признательны также Надежде Судаковой из Нома, Розе Иргу и Валентине Ятта Кунука, ныне живущим в Гэмбелле на о-ве Св. Лаврентия, которые помогли в контактах с нашими партнерами на Чукотке. Уиллис Уалянга из Гэмбелла, чьи родители более 80 лет назад переселились с Чукотки на остров Св. Лаврентия, был замечательным источником комментариев ко многим фотографиям Форштейна. Спасибо всем вам!

Приложение

Список неопубликованных рукописей Александра Форштейна (составлен по ссылкам в различных источниках)

- 1927 Краткая грамматика чукотского языка. В соавторстве со С. Стебницким.
- 1929 Азиатские эскимосы как морские охотники. Дипломная работа выпускника этнографического отделения Ленинградского университета.
- 1930а Азиатские эскимосы. Для «Дальневосточной энциклопедии».
- 1930б Язык азиатских эскимосов. Для того же издания.
- 1930с Моржовый промысел. Для того же издания.
- 1934(?) Чаунские чукчи.
- 1936 О научных установках по «истории техники народностей арктической Европы и Америки». Доклад-обоснование выставки; тезисы доклада с «наметкой экспозиционного плана». 1936 г. 25 листов машинописи. Архив МАЭ, фонд К IV, опись 8, № 131.
- б.г. Становление рода у азиатских эскимосов.
- б.г. Шаманский язык.
- б.г. Материалы по языку эскимосов.
- б.г. Социальная структура общества азиатских эскимосов.

Четыре последних рукописи перечислены в докладной записке Форштейна, датированной январем 1934 г. [ПФА РАН 4: 36].

Библиография

- Айвангу.* Наш родной Уназик / Под ред. В. Леонтьева. Магадан, 1985.
- Антропова В.В.* Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920–1930 гг.) // Советская этнография. 1972. № 6. С. 19–27.
- Богораз-Тан В.Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. № 3.
- Богораз-Тан В.Г.* Юитский (Азиатско-эскимосский) язык // Языки и письменность палеоазиатских народов Ч. 3. / Под ред. Е.А. Крейновича. М.; Л., 1934. С. 105–28.
- Вахтин Н.Б.* Выписки из дел Ленинградского архива КГБ (Комитет безопасности по Ленинградской области). б.г.

- Вдовин И.С.* Очерки истории изучения палеоазиатских языков. Л., 1954.
- Вдовин И.С., Терещенко Н.М.* Очерки истории изучения палеоазиатских языков. Л., 1959.
- Воблов И.К.* Эскимосские праздники // Сибирский этнографический сборник, 1. Труды Института этнографии АН СССР. Т. 18. М.; Л., 1952. С. 320–334.
- Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.
- Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник // Труды института этнографии АН СССР. Т. 81. М.; Л., 1963.
- Калтан А.И.* Отчет по обследованию Чукотского полуострова, 1930–1931. Неопубликованная рукопись. 1931 (<http://kpr.chukotnet.ru/public/kaltan.html>).
- Колосовский А.С.* Ерухим (Юрий) Абрамович Крейнович — друг и учитель нивхов (1906–1985) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2002. Вып. 6. С. 184–192.
- Крейнович Е.А.* Жалоба в порядке прокурорского надзора // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2005. № 9. С. 287–329.
- Крулник И.И.* (Сост.) Пусть говорят наши старики: Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. М., 2001.
- Крулник И.И., Матэ Б., Вуквукай Н.И., Вэкэт В.К.* «Лица Чукотки». Исторические фотографии В.Г. Богораз (1900–1901 гг.) как культурное наследие Берингии: Доклад на международной конференции «Дни Берингии». Анадырь, 2005.
- Леонова В.Г.* (сост.). Память о Наукане. Неопубликованный сборник воспоминаний, историй и этнографических интервью. Лаврентия, 1997.
- Левин М.Г., Потапов Л.П.* (ред.). Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- Левин М.Г., Потапов Л.П.* (ред.). Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
- Меновицков Г.А.* Эскимосы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 934–949.
- Меновицков Г.А.* Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. 1. М.; Л., 1962а.
- Меновицков Г.А.* О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов // Советская этнография. 1962б. № 6. С. 29–34.
- Меновицков Г.А.* На Чукотской земле. Магадан, 1977.
- Меновицков Г.А., Рубцова Е.С.* Список литературы на языке азиатских эскимосов // В.Г. Богораз. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949. С. 253–254.
- Михайлова Е.А.* Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д.Д. Тумаркин. М., 2004. С. 95–136.

- Михайлова Е.А., Крупник И.И.* Проект «Возвращение знаний»: Коллекция фотографий Александра Форштейна 1927–1929 гг. // VI Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 437.
- Орлова Е.П.* Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб., 1999.
- [ПФА РАН] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 4, опись 4, № 4690, 41 лист (ПФА РАН 4); фонд 142, опись 5, № 12, 11 листов (ПФА РАН 142).
- Решетов А.М.* Отдание долга, II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в боях за родину // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 3–24.
- Решетов А.М.* Александр Семенович Форштейн (1904–1968). Страницы биографии репрессированного этнографа // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции / Под ред. А. Лебединцева, М. Гельмана, Т. Гоголева. Магадан, 2002. С. 275–279.
- Решетов А.М.* «Я прошу вас о своей реабилитации». Ерухим Абрамович Крейнович (1906–1985) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2005. № 9. С. 275–286.
- Роон Т.П., Сирина А.А.* Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы / Под ред. Д. Тумаркина. М., 2003. С. 47–77.
- Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера // Труды Института этнографии АН СССР. Т. 27. М.; Л., 1955.
- Слободин С.Б.* Рецензия: В.И. Иохельсон. Коряки. Материальная культура и социальная организация. 1997. Русский перевод: Waldemar Jochelson. The Koryak. Material Culture and Social Organization // Материалы по истории севера Дальнего Востока. Магадан, 2004а. С. 239–253.
- Слободин С.Б.* О русском переводе книги В.И. Иохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация» // Этнографическое обозрение. 2004б. № 6. С. 14–30.
- Хасанова М.М.* Негидалская коллекция К.М. Мыльниковой в собрании МАЭ // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. СПб.; Кишинев, 2002. С. 101–105.
- Хроника. Новости.* Студенты-этнографы на Дальнем Востоке. (Отрывок из письма Александра Форштейна, 6 июня 1927 г. Владивосток) // Этнограф-исследователь. 1927. № 1. С. 35–39.
- Членов М.А.* К характеристике социальной организации азиатских эскимосов // IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук: Доклады советской делегации. М., 1973.
- Шнакенбург Н.Б.* Эскимосы. Рукопись. 1939. Архив МАЭ. Фонд К-1, оп. 1, № 557.
- Akuzilleput Igaqullghet / Our Words Put to Paper.* Sourcebook in St. Law-

rence Island Yupik Heritage and History. Igor Krupnik and Lars Krutak (comps.); Igor Krupnik, Willis Walunga, and Vera Metcalf (eds.) // Contributions to Circumpolar Anthropology. 3. Washington, DC: Arctic Studies Center, 2002.

Burch E.S., Jr. The Traditional Eskimo Hunters of Point Hope, Alaska: 1800–1875. Barrow: North Slope Borough, 1981.

Ellana L.J., and G.K. Sherrod. From Hunters to Herders // The Transformation of Earth, Society, and Heaven Among the Inupiat of Beringia / Ed. by Rachel Mason. Anchorage: National Park Service, 2004.

Fienup-Riordan A. (ed.). When The Echo Began: And Other Oral Traditions from Southwest Alaska, Recorded by Hans Himmelheber. Fairbanks: University of Alaska Press, 2000.

Fienup-Riordan A. (ed.). Yupiit Qanruyutait. Yup'ik Words of Wisdom. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2005.

Krauss M. Eskimo-Aleut // Current Trends in Linguistics. 1973. Vol. 10. P. 796–902.

Krupnik I. The ‘Bogoras Enigma.’ Bounds of Cultures and Formats of Anthropologists // Grasping the Changing World. Anthropological Concepts in the Postmodern Era / V. Hubinger (ed.). London and New York: Routledge, 1996. P. 35–52.

Krupnik I. Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Part 1. From the Jesup Expedition to the Cold War, 1897–1948 // Arctic Anthropology. 1998. 35 (2). P. 199–226.

Krupnik I. Beringia Yupik «Knowledge Repatriation» Project Completed. Some Team Members’ Reflections // Arctic Studies Center Newsletter. 2001. № 9. P. 27–29.

Krupnik I. and V. Oovi (eds.). Faces of Alaska. Photographs from the Old Years from the Bering Strait-Norton Sound Region. 1: Leuman M. Waugh Collection, St. Lawrence. Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, Washington, DC, 2006. (in preparation).

Lopp Smith K. and V. Smith (eds.) Ice Window. Letters from a Bering Strait Village: 1892–1902. Fairbanks: University of Alaska Press, 2001.

Norbert E. Charles Menadelook Photographs — A Family Collection // Imaging the Arctic / J.C.H. King and H. Lidchi (eds.). London: British Museum Press, 1998. P.156–159.

Sivuqam Nangaghnegha. Siivanllemta Ungipaellghat. Lore of St. Lawrence Island. Echoes of Our Eskimo Elders / A. Apassingok, W. Walunga, and E. Tennant (comps.). Unalakleet: Bering Straits School District, 1985–1989. Vols. 1–3.

Willey P. Photographic Records of the Jesup Expedition. A Review of the American Museum of Natural History. Photo Collection // Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / I. Krupnik and W.W. Fitzhugh, eds. // Contributions to Circumpolar Anthropology 1. Washington, DC, 2001. P. 317–326.